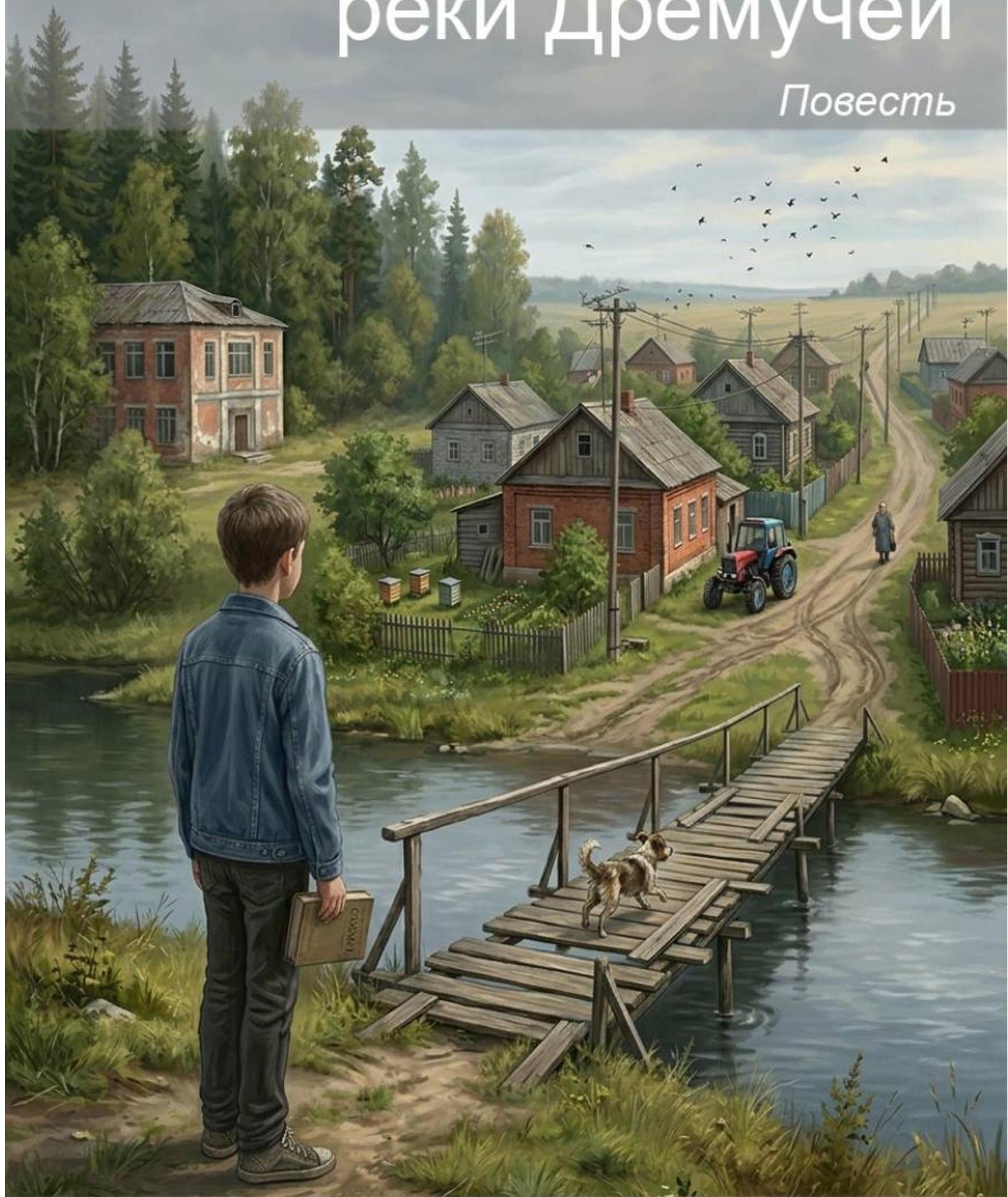

На берегу реки Дремучей

Повесть

Паша ГУСЕВ

Паша Гусев

На берегу реки Дремучей

«Автор»

2026

Гусев П.

На берегу реки Дремучей / П. Гусев — «Автор», 2026

Средняя полоса России, начало двухтысячных. Двенадцатилетний Лёша живет в деревне Бережки на берегу своенравной реки Дремучей. После смерти деда — единственного человека, дарившего тепло и защиту, — привычный мир мальчика рушится. Впереди — пугающая неизвестность: казенный интернат, опека непутевого дяди-алкоголика или переезд в чужой и холодный город. Это история о болезненном взрослении, о столкновении детской искренности с цинизмом взрослых и о поиске пути домой, когда все ориентиры потеряны во тьме зимнего леса.

© Гусев П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Дом	10
Глава 2. Пуговица	13
Глава 3. Пастьба	16
Глава 4. Надя	21
Глава 5. Укус	24
Глава 6. Настя	27

Паша Гусев

На берегу реки Дремучей

Пролог

Дождь крупными каплями стучал по старому брезентовому плащу. Густая осенняя тьма заполнила пространство вокруг и, казалось, что её скоро придётся разрывать руками, чтобы пройти дальше. «Куда же меня занесло!» — пробормотал Миронин, когда тропинка внезапно закончилась. Он достал спички и, сложив руки в кулёк, чиркнул одну из них. Тусклый свет очертил горбатые силуэты истлевших лопухов и спутанных стеблей засохшей крапивы. Рожала по привычке жирная земля, но лишь оголтелый бурьян лез отовсюду, высасывая из неё соки и обращая в навязчивую грязь.

Недалеко мелькнул изуродованным металлом, будто лихо одноглазое, комбайн с наполовину истёршейся надписью «Ростсельм...». Понял, наконец, куда забрёл. Уже месяц он скручивал с этой махины запчасти на пропой. Дальше — заливной луг реки Дремучей, а за ней и дом.

Странное название — Дремучая. Здесь и лесов-то нет, среди которых текла бы эта тихая река с тёмной водой. Когда-то посреди луга был небольшой насыпной остров. Любил помещик на лодочке туда плавать и в специально для него построенной беседке из блюдца чаи гонять, причмокивать и вкусной жамкой хрустеть. После революции, чтобы не приобщать к буржуазной праздности колхозников, остров заровняли. Беседку к первой, ещё деревянной школе перенесли. А заливной луг хотели осушить «для дела», но оставили, чтобы ребяшня да трудовой народ в изысканной из сплюснутых будней выходной мог распалённые тела охладить. А чаю потом можно и в столовой — из стакана, вдоволь напиться. Теперь не было ничего. Беседку, как и старую школу, истопили в печах, река обмелела, луг высох, а жамка стала пресной.

Эти рассказы местных, давно умерших дедов крутились в изнурённом тяжёлом похмельем мозге. Вытерев лицо от дождевой воды и пота, Виктор достал из-за пазухи литровую бутылку и жадно сделал три внушительных глотка: покрякал, передёрнул плечами тошного вида мужик и двинулся дальше. Наконец показался дом с тусклым светом в окне. «Слава богу...» — на выдохе шепнул он и зашагал бодрее. Звонким дребезжанием отозвался стук в окно. Внутри послышался грохот засова, и в дверном проёме появился силуэт женщины с худым лицом, растрёпанными волосами и большим круглым животом:

— Что так долго, Вить?! Подыхаю уже, — с неприятной хрипотцой в голосе произнесла она и жестом пригласила войти. — Небось вмазал по дороге? — он отмахнулся.

— Конечно, чуть не подох пока шёл. Семь кэмэ в такую погоду, да ещё и отходняк треплет. Пятьдесят лет тут живу, а заблудился...

— Лампочка сгорела? — спросил Миронин и кивнул на догорающую в гранёном стакане свечу.

— Нет, романтику решила устроить, — сказала женщина и засмеялась, наливая себе самогон, — завтра поедешь в деревню, купи.

Скинув на пол плащ, мужчина пошарил рукой в кармане телогрейки, в котором зазвенела мелочь. «На лампочку наберу...» — проскочила хозяйственная мысль в бесхозной косматой голове. Он взял завёрнутые в тряпку недогоревшие церковные свечи, которые хранились в доме с похорон матери. Вытащил самую длинную и прилепил её к столу. Старую же выковырял коричневым ногтем и в опалённый стакан налил спиртное. Пили молча. Глухой стук стаканов с коричневыми от времени стенками об стол и шум дождя о подоконник заменил диалог между мужчиной и женщиной. Говорить было не о чем.

— Вить, а ты меня любишь? — вдруг спросила она, от неожиданности Миронин поперхнулся.

— Ты чего это? — ответил он, непонимающе глядя на Тамару.

— Да ладно, забудь. Это я так...

— А вот может и люблю, ты ж вон ребёнка моего носишь в животе! — он указал пальцем на пузо.

В который раз Тамара была беременна и прекрасно знала, что как только дитё родится, его заберёт опека. Материнские чувства смазались и растворились в алкоголе, любовь — в бесконечных партнёрах. На целых семь лет угодила в тюрьму за мужа, которого так зашибла, что тот и помер. На свободе она уже не смогла вернуться к себе той самой, да уже и не знала, где она — «та самая». Из утончённой красивой девушки со светло-русыми волосами и большими зелёными глазами она превратилась в огрубевшую заматерелую эчку, постаревшую раньше времени. Иногда она подходила к половинке зеркала, что висело в закопчённой кухне, и, увидев себя, начинала плакать навзрыд — когда Миронина не было дома.

Он появился в её жизни случайно. Непонятно, как она оказалась на обочине грунтовой дороги с глубокими рытвинами. Измотанная и грязная, она шла, совершенно не понимая, где находится. Худая кляча тянула гроыхающую подводу, в которой сидел Витёк, покачиваясь в такт ямам. Завидев Тамару, предложил подвезти. Она не отказалась. Из-под сена он вытащил пластиковую бутылку самогона и протянул ей.

Так и осталась жить с ним и скоро снова забеременела. Витька не задавал вопросов, от кого беременна его женщина, и не сомневался, что Томка вынашивает ему сына. Любил ли он её в самом деле? А кто знает, ему самому неведомо. Может, стало страшно одному в этой жизни, вот и сошёлся с ней.

По стенам ползли тени и местами утопали в разводах чёрной плесени. На чердаке и в стенах, перебирая маленькими лапками, шуршали голодные мыши. Старая печь трещала, иногда выплёвывая угли, которые падали на поржавевшую железную пластину. Печь грела плохо и часто затухала, отчего слабое тепло хотелось поймать и никогда не отпускать. Уютный запах дров смешивался с запахом мочи, что витал в комнате до рези в носу. Женщина смахнула рукой крошки хлеба со стола и, скатав их ладонями в шарик, выпив стопку, опустила в рот.

— Что-то мне плохо, — сказала она и тяжёлой походкой прошла мимо мужчины и, оперевшись на его плечо, неловко опустилась на кровать, накрывшись засаленной телогрейкой. Он продолжил смотреть в глухую тьму за окном, превратившую стекло в зеркало, в котором отражалась уснувшая женщина, носившая его ребёнка, и он сам — лохматый, худой, с глубокими морщинами на щеках и свёрнутым вправо носом.

Он вспоминал время, когда родители получили новое жильё. Деревня была большая, сразу за ней строили фермы. Скоро здесь появился целый посёлок новых домов. В один из них заехала семья Мирониных. Ему было четыре, но он уже знал, что могло быть две сестрички.

За несколько лет до его рождения мать Александра вынашивала двойню и работала в совхозной ферме с утра и до позднего вечера. Взгромоздив сноп соломы на большое пузо, беременная женщина тащила его, с трудом вытягивая увязшие в грязи и навозе сапоги. Дочки родились мёртвыми. Чудом выжила мать. Спустя годы родила она сначала его — Витьку — непутёвого балбеса, а вслед за ним и Митьку, тихого и робкого, вкалывающего дома вместе с батеи. А потом уж и младшая Надежда на свет появилась. Отец рождения дочери не дождался, умер от тяжёлых фронтowych болячек. А она была умница и красавица — всё при ней. Замуж рано выскочила, да и осталась в городе у мужа. Следом и Митька умотал на заработки.

Так и остался Витюха с матерью вдвоём куковать. Она — угробленная жизнью, на двух палках, что младшенький сострогал, с трудом да матерками ходила от дома до уборной, и он — перебивался кой-какой работой. Хозяйство вели скромное: куры, что вечно в крапиве неслись, и лошадь больная, Ромашкой звали, дохла уже лет пять, да всё никак... Бывало, что приводил

Витька ещё алкашей и не просыхали они там месяц под материнские несчастные охи. А потом и вовсе опился так, что директора за нос укусил. Выгнали. Потом мать отмучилась. По весне ушла с водой.

Зажил Витька в одиночку. Совхоз дышал на ладан. Подряжался мужик и пастухом, и скотником по наряду. Но и здесь то выгоняли, то снова звали. Надюха после похорон матери сюда ни ногой. Митька приезжал, и то — как запьёт. Приедет, сядут и давай хлестать горькую два брата. Поплачут, посмеются. Иногда дед Иван Тимофеевич заходил, второй жилец в деревне. Жил по соседству в доме с горбатой крышей.

Потом молча отходят, гремят пустыми бутылками. Сухо прощаются, и Митюха, докурив бычок на остановке, растворяется в безразличном тумане. Пожмакает почти беззубым ртом Витёк и, шоркая сапогами по траве, вернётся домой, где на лавочке его уже ждёт дед с бутылкой.

Мысли размякли и норовили провалиться в небытие. За окном разгулялся ветер. От его порыва задребезжали стёкла. Рвался треклятый холод в хату, чтобы пожрать последнее тепло, которое осталось здесь и в душах его хранителей. Испуганный паук засеменял по подоконнику и спрятался в глубокой трещине. Витёк уронил голову на стол и уснул.

— Надька... Митька... мамка... куды делися все... — бредил он во сне, бахая кулаком по столу. А потом снова повисла тишина.

Миронин проснулся в кромешной тьме. С кровати доносились стон и тяжёлое дыхание Тамары. Опираясь на стол, он встал, случайно сбив рукой какую-то посуду, и направился в сторону женщины, стараясь наступать как можно осторожнее.

— Что с тобой, Томка?

— Лошадь запрягай, я рожаю, дурень! — хриплым голосом произнесла не до конца протрезвевшая роженица.

— Иду уже, счас, это... лошадь запрягу! — растерянно сказал он и, натываясь на препятствия, наконец уткнулся в дверь и сломя голову выскочил на улицу.

За ночь погода сменилась. Дождь закончился. Изгнавший его холодный ветер тут же обжёг обнажённую кожу. Грязное месиво туч куражилось в небе, закрывая собой слепое осеннее солнце, застрявшее где-то на востоке. Дверь сарая, загребая навоз, с трудом поддавалась, для скорости со всего маху он ударил по ней сапогом, и та пошла скорее. Старая лошадь вздрогнула и отскочила к противоположной стенке. Но, увидев хозяина, успокоилась.

— Ромашка моя, Ромашка, ты не бойся, это дверь в говне застряла, — прошептал Миронин и погладил лошадь по гриве. — Ехать надо, рожает хозяйка твоя.

Он вывел лошадь на улицу к телеге, что стояла у входа, и снова нырнул в сарай, интуитивно обходя перегородки. В углу была свалена в кучу сбруя. Витька наспех запряг лошадь в телегу и подвёл ко входу в дом.

— Тамарка, ты где? — позвал роженицу Миронин и вошёл в дом. Тамара лежала на диване без сознания в грязном и мокром халате. Он попытался взять её хрупкое, но отяжелевшее тело на руки, но из этого ничего не вышло. Тогда, схватив роженицу за запястья, он волоком потащил её к выходу, натываясь в полумраке на куски черепицы, кирпичи, дырявые вёдра. Всё то, что Витьке не удалось пропить за долгие годы.

Лошадь, переминаясь, покорно продолжала ждать. Он с трудом перевалил беременную жену через борт телеги. Она пришла в себя и заплакала. Уложив роженицу на пыльное сено и укрыв им же сверху, он бросил в телегу оставшийся самогон и, усевшись на импровизированное сиденье из доски, крикнул: «Но! Пошла, старая!» Лошадь рванула, привычно вырвав на дорогу. Цепляя репы на гриву, она послушно бежала по дороге через старый сад. На почерневших яблонях ещё висели редкие жёлтые яблоки, разбавляя унылый пейзаж. Осенний день будто пил с Витькой всю ночь, неохотно пробуждался по утрам и по-прежнему пребывал в алкогольной депрессии. Миронин встал в телеге на колени и что есть сил бил лошадь вожжами.

Взмыленная старая кобыла хрипела и, задирая голову то вправо, то влево, неслась по полю, прямо по стерне.

— Сейчас срежем тут и на хорошую дорогу выскочим! — орал он, продолжая лупить лошадь.

— Не бей её, Витя, она и так измучена! Сама разобьётся и нас за собой потянет... — попыталась сказать громче Тамара, но дребезг заглушил её голос.

Вдруг телега начала ходить из стороны в сторону, и послышался резкий стук и треск. Извозчик оказался в воздухе. Где-то ржала лошадь, кричала женщина. Он упал на землю и на какое-то время отключился.

Неподалёку, в урочище, шумел лес. Когда-то там тоже была деревня. В колодцах была очень вкусная вода, сладковатая. Витька стоял рядом с рекой и очень хотел пить. Мальчик лет двенадцати шёл к нему с кружкой воды.

— Мальчик, дай воды... — попросил Витька, — глоток.

Ребёнок подошёл к нему и протянул кружку.

Блажь спала, и Витька слышал плач ребёнка. Он поднялся и сел на задницу. Изуродованная телега разлетелась по полю, лошади не было. Он встал и, преодолевая боль, пошёл на крик ребёнка. В глазах мужика потемнело:

— Не бойсь, Томка! — орал он, вылупив мутные глаза, — прорвёмся, хуже бывало!

Утренняя заря лениво отвоёвывала пространство у ночного мрака. Солнце украдкой пыталось пробраться сквозь редкие прорехи небесной наволочи. В траве с остатками сена в волосах и на одежде лежала его Тома. Её лицо было грязным, а глаза наполнены то ли слезами, то ли дождевой водой. Рядом с ней, путаясь в сене, копошился ребёнок.

Виктор упал на колени и, скинув с себя телогрейку, бросился к младенцу. Не сдерживая слёз, он тут же начал его укутывать. Жёсткая пуповина упорно не поддавалась редким зубам отца, который неистово пытался перегрызть неподатливую живую ткань. Наконец зубы глухо цокнули друг об друга с такой силой, что один сломался. Но Миронин этого не заметил, держа в дрожащих руках рыдающего ребёнка. Он опустился к измученной женщине:

— Томочка! Тома, ты посмотри, у нас мальчик...

Одной рукой он быстро расстелил сено на земле и положил ребёнка рядом с матерью. Только сейчас Витька заметил, что она была босиком, и, сняв свои сапоги, надел их ей на ноги.

Шёпотом она попросила ребёнка. Он положил рядом с матерью тщедушное тельце рыдающего навзрыд и посиневшего от холода сына. Она достала тощую грудь, и младенец, припав к ней, затих. Отец лёг рядом, защищая семью от ветра, сказал:

— Томочка, я побегу к людям, иначе малый помрёт от холода. Я приду... заберу тебя отсюда...

— С Ромашкой что? — шёпотом спросила она, почему-то вспомнив о лошади.

— Убежала куда-то, — он кивнул в сторону.

Укутав ребёнка и прижав его к худой груди, мужчина, хлюпая босыми ногами по грязи, побежал в сторону ближайшей деревни Бережки.

Впереди текла Дремучая, чья тёмная ледяная вода неспешно пожирала земляные берега. Моста от деревни Ершево давно не было. Найдя брод, Миронин, ощупывая ногой дно, медленно двигался к другому берегу, крепко удерживая укутанного в телогрейку ребёнка. Камни больно впивались в стопу, но, стиснув зубы, он шёл дальше. Мальчик снова заплакал. «Живой!» — пробормотал Виктор и получше укутал сына. Наконец он дошёл до берега и, цепляясь за торчащие корни ракушек, кряхтя, выполз из речки по крутому берегу.

— Ну, сына, не плачь! — едва сдерживаясь от слёз, шептал Миронин. — Скоро прийдём.

Задыхаясь от усталости, несчастный отец наконец выбежал на дорогу и, шлёпая босыми ногами по кисельной хляби, спешно и немного раскачиваясь двинулся в сторону деревни.

— Прости, сынок, прости! — выпалил он. — Сыночек, мой родной сыночек...

Виктор прижал его к груди и снова зарыдал. Никогда не было у него детей, сколько бы он ни разбрасывал семя в своей беспутной жизни... А теперь вот в охапке, беззащитный и дрожащий всем телом. Свой... миронинский...

Показалась деревня. Витька шёл быстро, пытался бежать, но онемевшая нога не сгибалась. Боли не было, но давило в груди, и ему казалось, что не хватает воздуха, перед глазами расплзались странные пятна. Какая-то неведомая сила вела его дальше. Дремучая чернела рядом, уходя всё дальше в сторону от искалеченного мужика с полуживым ребёнком.

Она повидала тысячи этих странных людей, которые веками рождались, селились и умирали на её негостеприимных берегах. Жили вдоль её извилистого русла в своих холодных и неуютных хатах. Пригвождённые безысходностью и страхом к скользким земляным берегам. Она щедро опаивала из своих бесконечных родников до ломоты в зубах, пытаясь приглушить мрачное похмелье сладковатой водой. Влюбляла в себя так, что, жертвуя всем, человек рассыпал свою жизнь в размеренном течении. А вслед и сам растворялся в летах, будто его и не было вовсе. Смывала река память, заиливала образы и следы, чтобы каждый новый искал свой путь, не зная или забывая пройденный предками, вновь и вновь совершая ошибки.

Но с каждым разом всё больше блудил по берегу Дремучей человек. Рожал детей и шлёпал босыми ногами по мыльной грязи, не зная куда идти и зачем он родился. И не всегда знал, для чего дал жизнь этому розовому комку, что вошкался в засаленной телогрейке, а его мать ни живая ни мёртвая лежала посреди холодного поля среди оскоплённой пшеницы.

Продираясь через лесополосу, Миронин уже рыдал в голос, а мальчик молчал, отчего становилось ещё страшнее. Люди встречались и испуганно шарахались в стороны, видя обезумевший взгляд грязного, босого мужика со свёртком в руках. Измученный отец почти ничего не видел и вскоре понял, что сейчас упадёт. Замутнённым взглядом он окинул окрестность.

Собрав в кулак остатки сил, он направился к магазину. Дверь была открыта. Он вошёл внутрь. Локтем Виктор сдвинул с прилавка только привезённый хлеб, который с глухим стуком упал на пол и разлетелся повсюду, следом упали тяжёлые весы. Стоявшая за прилавком продавщица вскрикнула. Миронин подошёл к ней и, положив телогрейку на прилавок, произнёс:

— Спаси его!

— Господи! — воскликнула женщина, взяв на руки дитё. Малыш заревел.

— Живой, сынок мой, живой... — прошептал отец и сполз по стене.

Стоя у перевёрнутой повозки, лошадь не спеша пережёвывала разбросанное сено, каждый её шаг сопровождался грохотом оглобли о землю. Иногда она поднимала голову и смотрела на холодное тело молодой женщины, чьё лицо наполовину было скрыто мокрыми волосами. Из-за туч на несколько секунд выглянуло ноябрьское солнце и, поиграв бликами в лужах, исчезло. Снова заморосил ледяной дождь.

Глава 1. Дом

Тёплое июньское солнце щедро заполняло маленькую, но уютную кухню деда. Сам он сидел у печи и поправлял тяжёлые очки на кончике мясистого носа. Читал районную газету, нахмутив густые брови и едва шевеля губами. У кухонного стола сутилась Надежда Судина — племянница, приехавшая из города на выходные. Она была высокой видной женщиной, дотошной к своему виду, а потому всегда выглядела безупречно.

Ещё в юности все замечали её ум, статность — не похожа она была на местную. Вот и мечтала уехать из умирающей деревни Ершево, в которой жила со своей овдовевшей матерью Александрой и двумя братьями-раздолбаями Витькой да Митькой. Она, закончив девять классов, уехала в область учиться на бухгалтера. А через полгода приехала с патлатым женихом, с бородой как у попа. Обалдуй есть обалдуй. Ну, мать плечами пожала да руками развела. Был бы отец живой, со стыда за зятя такого всё равно помер. А девка стояла на своём: «Он у меня умный, жизнь понимает». Плечами пожали, свадьбу сыграли. За счёт братьев, как водится — с дракой. Да и уехали на следующий день молодожёны.

Оказалась Надька прозорливой. Зять и впрямь толковый оказался: купил машину большую; трёшку в областном центре. Дочь родили. Да ещё в свою фирму старшего Митьку пристроил на грузовик при условии, что пить бросит. Ведь ему откуда-то из Балтии то ли спирт, то ли водку с каким-то музыкальным названием возить придётся. Да и сам волосы состриг, ходил тогда лысый.

Матери уж давно не было в живых, да и деревни тоже. Остался брат её Михаил Петрович, что жил в соседнем селе Бережки. Вот и приезжали к нему с дочкой. Теперь толклись на кухне: дочка Машенька с насупленным лицом большой скалкой неумело, но старательно раскатывала податливое тесто.

Главы их семейства, Сергея Сергеевича, не было. Он срочно уехал в область. Когда Надя говорила об этом, то всем своим видом старалась показать, что её муж принимает какие-то важные решения. Сейчас он был главой района с центром в захудалом малонаселённом городке, который жил непонятно на какие шиши.

— Деда Миша, — подошла внучка к старику, — а когда Лёшка работу доделает, можно мы погуляем?

— Он наказан. — Дед строго взглянул на девочку из-под очков. — Покамест всю гнилую солому из сараев не перетаскает — не погуляете... Вчера допоздна где-то болтался, ни слуху ни духу! Тут вот, Надя, смотри что пишут, — резко переключился он с внучки на племянницу, — школу у нас в Бережках закроют, «оп-ти-ми-зи-ру-ют» написано, а детей будут на автобусе в соседнюю Ясенку возить. Что же творится? Я и не знал!

— Всё будет хорошо, дядя Миша, Серёжа как раз уехал в область к губернатору, чтобы решить вопрос с транспортом. — Она улыбнулась и продолжила собирать на стол.

— Ну как же! — возмутился Михаил Петрович. — У нас до райцентра автобуса нет, а детей в соседнюю деревню по буеракам в школу возить дадут. Ой, что ж творится...

Закончить он не успел, как на пороге появился мальчик лет двенадцати. Вздурораженный, с горящими глазами и частым дыханием, он оглядел родных.

— Зачем прибёг? — гаркнул старик, но для порядку плюнул на ладони и, растерев слюни, пригладил жёсткие и густые волосы внука. — Глядите, кого в соломе нашёл! — возбуждённый находкой мальчуган показал всем сложенные в кулёк ладони.

Тыкаясь маленькой мордочкой в пальцы, в руках ползал беззащитный лысый и слепой крысёнок. Надя вскрикнула и забралась на кресло, забыв о своей сдержанности. Машенька ахнула и, хлопнув в ладошки, подбежала к брату:

— Ой, дай погладить! — увлечённо разглядывая копошащегося розового зверька, попросила она.

— Бери, я тебе его дарю! — сказал Лёха и протянул крысёнка ей. — Маша, не тронь эту заразу! — закричала Надя, не в силах что-то сделать из-за страха и отвращения перед беззащитным грызуном.

— Так, сейчас же иди выброси эту гадость в уборную, понял? — грозно сказал дед, и его лохматые брови сошлись к переносице.

В такой момент лучше было не спорить, всё указывало на то, что он раздражён и до подзатыльника оставалось одно лишнее слово. Поэтому Лёха, тяжело вздохнув, покорно кивнул головой и, шоркая ногами по полу, пошёл исполнять приказ.

Мальчик безмерно любил и уважал своенравного и ворчливого дедушку, а потому старался не перечить ему. Обычно он как хвост всюду таскался с ним. «Малый, ну ты хоть иди с ребятами поиграй в «казаков-разбойников»! Какой интерес с нами-то сидеть?!» — порой возмущался старик, когда вместе со своими друзьями они сидели на лавочке под сенью старой липы.

«Дедов побздюх!» — шутили мужики, наблюдая за пацаном, а тот, раскрыв рот, слушал мужицкие байки про «те времена». У него и друзей-то не было. Мальчику сверстники казались скучными. Да и вообще он был молчаливым, а потому и местная ребятня не особо-то с ним хотела дружить.

И теперь, едва привыкнув к новому знакомцу-грызуну, ему нужно было от него избавиться. Он подошёл к вонючей дыре, окружённой полчищами жирных золотистых мух, которых дед называл говняными. Маленькая тушка беззвучно упала в зловонную жижу и, перебирая слабыми лапками, пыталась спастись, но с каждой попыткой она всё больше увязала в дерьме. В носу от вони началась резь.

Лёшка вышел из уборной и, вытерев слёзы майкой, сел на траву. А потом устался на другой берег реки Дремучей.

Там, вдалеке, симпатичным островком среди утомительно-однообразных полевых пейзажей красовались высокие сосны, яблоневоый сад, окаймлённый высокими грушами. А из глубоких разнородных зарослей торчали крыши брошенных домов теперь несуществующей деревни Ершево. Лёхе до того хотелось сходить туда, что прямо невольно. Необъяснимая сила тянула его в те места, а потому он часами смотрел на этот таинственный остров, готовый вот-вот встать и пойти. Он спрашивал у деда, что там. Но тот отмахивался и говорил, что теперь ничего, кроме клещей и бешеных лис.

— Лёшка, а что ты здесь сидишь? — слышался голос сзади. Это была Маша. Мальчик пожал плечами и шмыгнул носом.

— А хочешь, я покажу тебе гнездо, где остальные крысята?

— Конечно хочу! А крыса нас не укусит? — осторожно спросила Маша, и в её глазах вспыхнул огонёк любопытства. — Я ни разу не видела. Ты такой смелый...

— Да ладно, — отмахнулся Лёха, — я и не такое находил...

— Дядь Миш, ну пора уже серьёзно поговорить, — Надежда присела на подлокотник кресла и приобняла ворчливого дядю. — Алёшка закончил шестой класс. Он не успевает по некоторым предметам, а дальше алгебра с геометрией! Это всё сложно, к нему нужен подход. Вы понимаете, что хорошего образования он здесь не получит. Он очень замкнут, ему нужна помощь специалиста.

— Что? Он нормальный малый. Я тоже в детстве неразговорчивый был. Ничего, со временем язык развяжется! Он у меня в пять лет в библиотеку записался, таблица умножения от зубов отлетает! А его одноклассники-оболтусы до сих пор толком читать не умеют! — Михаил Петрович повернулся к женщине, прищурился правый глаз, как он делал всегда, когда разговор его начинал раздражать. — Вон, — ткнул он пальцем в сторону, где находилась комната Лёшки,

— сколько у малого книг! Он их читает — не просто так стоят. Дёргает то и дело, пыль сдуть не надо. А специалист твой что? А? Слабоумным признают! Отправят в дурачки. У нас тут боятся к ним детей отправлять, что не ребёнок — то дурак! А жить где будет? У тебя? Серёга твой небось рад будет! — сказал дед, и лицо его стало красным.

Он прекрасно понимал, что муж Нади не любит его внука и не считает родным человеком, а потому приложит усилия, чтобы мальчик не жил с ним под одной крышей.

— Вы поймите, мой Серёжа будет рад, если они с сестрой чаще видеться будут. И никто детей дурачками не считает. Дядь Миш, детям просто помогают социализироваться. К ним ищут подход. Там хорошие специалисты, — продолжала убеждать она своего дядю.

Он отмахнулся и, высвободившись из объятий племянницы, подошёл к двери и остановился. Ему было ясно, что Лёшка, родившийся в поле в семье пьющих и беспутных родителей, вызывал у Сергея неприязнь.

— Витька его на прилавке подыхать бросил, а я не брошу! На ноги поставлю! Помирать не собираюсь, пасеку держу для того, чтобы внук не нуждался. А как вырастет, дальше сам решит. Меня ещё лет на десять хватит, своих детей нет, значит, даст Бог сил внука на ноги поставить!

Он хлопнул дверью и, закинув руки за спину, начал отмерять шаги, расхаживая по двору. Не преминув пнуть надоедливую старого кота. Надя вышла вслед за стариком и, немного улыбувшись, сказала:

— Да вы не переживайте. Насильно его никто у вас не заберёт, — успокоила она хмурого дядьку, — просто если вдруг что будет нужно, вы звоните нам. Хорошо?

— Я всё контролирую! — буркнул он.

— Ладно, — вздохнула Надя, — пойду дальше готовить. А где, кстати, дети?

— По деревне болтаются небось, — отмахнулся старик и ушёл в мастерскую.

Глава 2. Пуговица

Маша была единственным другом Алёшки. Станным его считали. «Скучный он какой-то», — говорили дети своим родителям, когда речь заходила об их однокласснике. Бродил Лёха по округе. Сидел на берегу Дремучей да кидал в неё камни, а та сглатывала их в свою пучину и неслась дальше. Мальчик смотрел на своё отражение в ледяной воде, а в голове под копной чёрных, жёстких, как проволока волос, без конца созревали вопросы. «Почему всё вот так? — обращался он к реке. — Родителей нет, вокруг его странным считают».

Чтобы отстраниться от всего, он уходил далеко от дома и гулял среди щербатого редколесья, карабкался по оврагам и наблюдал, как грациозные косули пьют воду, озираясь по сторонам.

— Пойдём на таинственный остров, — предложил Лёха сестре, когда они вышли из калитки. Он ещё не успел объяснить зачем, но сразу увидел, как радостно заблестели глаза сестры, уставшей сидеть дома за учёбой. Перейти реку, чтобы оказаться в необычном месте! И то, и другое было строго запрещено!

День был в разгаре. Откуда-то доносился стук молотка. Мужичок, прикрыв голову здоровенным лопухом, поил из ведра телёнка на опушке. Женщина в белом платке копалась в огороде. У неё во дворе куры прятались от жары под тенью небольшого кустарника. Назойливые мухи докучали козе, которая отдыхала лёжа на траве, а привязь тянулась через тропинку, по которой шли брат и сестра.

По дряхлому мосту они переправились через шумную реку. От весны к весне лёд, сплавляясь по реке, вгрызался в берега, счищая слой ила и земли, из-за чего растений в реке и по её берегам было мало.

Скоро ребята оказались у таинственного острова с торчащими крышами. Кустистая ракета у пересохшего пруда закрывала обзор. Тот великолепный вид, что открывался издалека, вдруг обратился в хаотично возникшие там и сям разросшиеся кусты сирени и черёмухи. Местами они превращались в настоящие непролазные джунгли. Пришлось продираться сквозь эти заросли, чтобы выйти в Ершево.

Когда они оказались на поляне, поросшей полынью и лопухами, слышали, что откуда-то доносится грохот. Они пошли на шум через старый сад и вскоре оказались возле дома. Его стены, ловко орудуя ломом, разбирал мужик с выпученными глазами и пупком, который торчал из-под задравшейся на большом животе грязной майки.

Он старательно ломал дом директора школы, некогда жившего здесь Ивана Толокно. Тот всю жизнь работал учителем. Был примерным человеком, интеллигентом местным. Детей своих не было, бабка тоже померла. Вышел на пенсию, а в школу ходил сторожем. Но школу закрыли, и ребятня пёхом или на попутных, а когда и на тракторе в соседнюю деревню на учёбу двинулись. Следом местного фельдшера сократили. Тут народец дрогнул, собрал детей в охапку и кто куда! Так весь генофонд и расплескался. Начал дед пить с горя да одиночества. Упивался, подходил к школе раздербаненной, махал кулачищем, сопли и слёзы грязным рукавом вытирал и кричал: «Скурочили, курвы! Скурочили!» В конце концов старик совсем опился и однажды сковородой убил собутыльника. Бывшего директора школы посадили. Незадолго перед освобождением у него обнаружили рак, и, вернувшись домой, он тихо умер.

— Что пришли, сорванцы? — спросил мужик и со свистом выдохнул. Это Почечуев Антон, дядя Лёхи и Маши. Дети переглянулись. Они его плохо знали, мужчина почти никогда не здоровался и казался совсем чужим человеком. Лёшка вспомнил, что видел в окно, как этот человек приезжал к деду и выпрашивал, чтобы тот по дешёвке продал ему пасеку. Старик отказал. После этого родственники общались мало, лишь иногда помогая друг другу. Теперь Лёха понял, что дед говорил как раз о Почечуеве как о человеке жадном, нахальном и злобном.

— Мы так просто, посмотреть... — ответил мальчик.

— Что тут смотреть? — протянул мужик и, вытерев пот со лба, продолжил выковыривать арматуру, торчащую между брёвен. — Вы лучше дальше отойдите, а то в лоб чего отлетит.

Дети отошли.

— Ты бы глянул, где мать с батей жили! Вон в том доме. В бурьяне. А во-он там, — протянул он и указал на небольшой островок леса на горизонте, — родители твои схоронены. Ты сходи... Ох любили они у тебя заложить за воротник! — брякнул он, когда дети уходили.

— Что заложить за воротник? — спросил Лёха.

— Водку пить любили! — сказал Почечуев Антон, выпучив глаза. — Да! А как ты думал? Потому тебя мать в поле родила. А батя тебя до деревни на себе тащил. Тебя спасли, а сами... Повёл глазами вверх мужик и отмахнулся.

Дед всегда был категорически против того, чтобы внук хоть как-то сталкивался с памятью о своих непутёвых родителях. Сгинули они в небытие — и всё. Он словно опасался, что в мальчике вмиг проснётся дурная память, а потому всегда отмахивался от вопросов о родителях. Но чем больше дед избегал разговоров о родителях, тем чаще внук задумывался о них, о том, где и как они жили. Окружающие из уважения к старику тоже старались не касаться этих разговоров, но теперь мальчик вместе с сестрой узнал то, о чём раньше лишь догадывался.

Почечуев же, напротив, уловив интерес мальчика, смакуя подробности, продолжал рассказывать о непутёвой жизни родителей. Сначала он слушал рассказы этого туповатого мужика с интересом, но с каждой минутой всё больше ощущал боль от тех открытий, которые слышал. Наконец Маша одёрнула брата, и они ушли, слыша как Почечуев что-то продолжал говорить.

Сквозь бузину и клёны чернела покрытая истлевшим рубероидом крыша. Продираясь через гжучую крапиву, они подошли ближе и оказались у ветхого дома. Раскучив одну из ставен попавшейся под руку трубой, дети пролезли внутрь, в тёмное нутро холодного и безжизненного пространства. Через открытое окно солнечный свет ворвался в дом, разогнав затхлый и сырой воздух. Всюду зияли проломы в сгнившем полу, которые были заполнены осыпавшейся с потолка штукатуркой. Столы и стулья были завалены всяким хламом, обшивка дивана истлела, и опоясанные клоками коричневой ваты пружины торчали в разные стороны, гнилостная вонь пропитала жилище насквозь.

В остальных комнатах они увидели то же самое. Разница была лишь в деталях — где-то лежал поваленный шкаф или кровать, доверху заполненная пухом. Печь, черневшая топкой, растеряла часть кладки и теперь казалась сгорбавившейся, словно ощутив свою ненужность.

Лёха стоял в прихожей и пытался представить, как здесь было раньше, когда здесь жили его родители. Но ничего не выходило. В уме рождалась лишь картина дедовского дома. В груди появилась какая-то тяжесть, которой он никогда раньше не ощущал. То ли страх, то ли тревога обуяла ум, нахлынули неразборчивые чувства. Алёшке захотелось и плакать, и бежать, и замереть — спрятаться хоть за печку, хоть за спину сестры. Он не мог понять, что с ним происходит прямо сейчас...

— Смотри, — Маша показала брату найденную в тумбочке пуговицу золотого цвета со звездой, — это, видимо, твоего папы... — Мальчик тяжело выдохнул. Увидев как он изменился в лице, сестра спросила:

— С тобой всё нормально, Лёш?

— Да, хорошо со мной всё... — произнёс Лёха, но сам понял, что голос его немного дрожит. Он взял пуговицу и, покручивая между пальцев, сказал:

— Да, отцовская, наверное, армейская. — Он положил её в карман. «Хоть какая-то память об отце...» — мелькнула в голове мысль.

— Пойдём на кладбище? — неуверенно спросила Маша.

— Конечно, пойдём, раз собрались, — сказал Лёха, но делать ему этого не хотелось.

«Домой, к деду!» — крутилось в голове. Сесть в уютной комнате напротив окна, через которое солнечный свет согрел бы его, избавив от этой сырости, которая теперь будто поселилась в нём... Впереди маячил холм, который, как и деревня, где жили родители, был сплошь покрыт растительностью. Но чем ближе дети подходили к нему, тем больше покосившихся крестов было видно.

Маша отставала всё сильнее. А потом она и вовсе остановилась и села на источенный водой песчаник, как бы намекая брату, что дальше она не пойдёт. Лёха махнул рукой и отправился дальше один.

Старые липы росли вдоль клочка земли, утонувшего в разномастных одичавших растениях и деревьях. Издалека казалось, что невозможно протиснуться при всём желании. Словно мёртвые не хотели видеть растерявших память о них живых.

Кладбище было окопано глубокой заросшей траншеей, в которой валялись изъеденные ржавчиной старые памятники и надгробья. Почерневшие искусственные цветы, лежавшие поверх них, выглядели зловеще. В узоры измятых оград вокруг могил вплетались лианы хмеля, покосившиеся кресты утопали в кустистом шиповнике. Бесплодные дикие груши тянулись к солнцу, выбираясь из поросли сирени, заполонившей собой всё возможное пространство. Люди густо сажали её на могилах родных, будто пытались наполнить смертный, неприятный воздух её густым ароматом, разбавить тяжкие думы о потере.

Пробравшись через бурьян, Лёха всматривался в надписи на поржавевших железных пластинках на крестах и памятниках. Местами они не читались вовсе, а кое-где вместо них лежали круглобокие валуны, давно вросшие в кладбищенскую мшистую землю. На другом краю погоста мальчик увидел старый облупившийся синий забор, железный крест с надписью «Миронины Виктор и Тамара». Они не были расписаны, но в своём последнем пристанище оказались под одной фамилией. Никто не хотел разбираться, нужно было скорее похоронить. Возня с неблагополучными — это всегда головная боль. Потому и разбираться с тонкостями не стали, чтобы не множить проблемы.

Трава была высокой и густой, такой, что гробница терялась в ней. Лёха повис на заборе и всматривался в имена, словно это были не полуистёршиеся буквы, а живые люди, которые молча смотрели в ответ. Ветер шелестел травой, на мгновение Лёшке показалось, что это родители шёпотом разговаривали с ним. Может, извинения просили, а может, просто были рады увидеть его. А как же ещё могут обратиться родители к своему кровинушке? Может, и в самом деле, обернувшись покрывалом разнотравья, поцеловать его свежим дыханием полевых цветов. Под синим небом убаюкать ласковым прикосновением нежных листьев. Защитить его от злого одиночества они не могли, лишь утешить тихим шёпотом безымянных былин. Лёха упал в траву и снова уставился на буквы: «М-И-Р-О-Н-И-Н-Ы».

Кто они? Просто пьющие люди? Но если Почечуев не врёт, то почему они его спасли в день его рождения? А ведь могли просто оставить. Теперь он сидел у заброшенной могилы родителей, продуваемый оголтелыми полевыми ветрами, плакал. Горькое чувство одиночества нахлынуло с непреодолимой силой. Один посреди этой безнадёги.

— Лёш, Алёшка!!! — прокричала Маша откуда-то с окраины кладбища. — Мне страшно, пойдём домой!

— Идём! — в ответ крикнул он, и вся атмосфера странного контакта с родителями исчезла, и перед ним вновь появилась ограда среди шиповника, сирени и бурьяна, а над всем этим та же надпись: «М-И-Р-О-Н-И-Н-Ы». Какое это странное место — кладбище. Он вдруг почувствовал тепло в груди от ясного понимания: родителей-то здесь, под слоем прелой земли, нет. Они где-то в нём, где-то вокруг — они его не бросили, просто не могут быть рядом. Быть здесь, с ним...

Он вытер слёзы и вышел к Маше.

Глава 3. Пастьба

Михаил Петрович был человеком упёртым, что порой раздражало всю его родню. Вот и с хозяйством было так. Старику за семьдесят, но он упорно продолжал держать корову, свинью — до ноябрьских, кур на яйца. Большим грузом это было и для Лёхи. Если рано утром дед управлялся сам, то вечером основная работа возлагалась на мальчика. Таскать говно из-под скотины в корыте на навозную кучу, воду, чтобы напоить животных. Но больше всего он не любил поросёнка, благо, что чистить сарай приходилось не каждый день. Лёхе казалось, что вонью поросёньего дерьма он пропитывался насквозь и этот мерзкий запах преследовал его долгое время. Даже отсидевшись и напарившись в бане, ему порой чудилось, что от него так и воняет говном. А за корову нужно было пасти стадо, и как раз подошла очередь Добриковых.

В этом году июнь был сухим, на небе не было ни облачка, народ роптал на погоду, призывая хоть маленький дождичек. Жизнь в деревне замедлилась, никому не хотелось жариться под солнцем, поэтому домашние дела переносили на вечер.

— Так, — сказал Михаил Петрович и, кряхтя, уселся на лавку у края стола, пока все ели крошку на улице за круглым столом в тени высокой старой рябины, — завтра пасём коров. Мне некогда, с пчёлами возни много. — Поэтому я попрошу Почечуева, а вы, — указал он пальцем сначала на Лёху, а потом на Машу, — будете ему помогать. Ясно?

— Помогут, помогут, — озабоченно закивала тётя Надя, — всё равно без дела болтаются. Пусть поработают.

— Ма-а, — протянула Машка, — это же рано вставать...

— Конечно, в стадо коров собирать будем, — вздохнул Лёха, снимая тонкую кожицу с картошки в мундире.

Он тоже не хотел пасти этих бестолковых коров, тем более что в такую жару они носились по полю как сумасшедшие. Дело это непростое, тяжкое. Но было и то, ради чего можно пойти на жертвы. Нравилось ему скакать на гнедом жеребце, который, будто с цепи сорвавшись, гнал в галоп по полю, храпя и задирая голову, а потом и поесть яиц варёных, сальца свежего с огурчиком. Дед в такие моменты позволял себе выпить стопочку, а потом в тенике часок вздремнуть.

— Дед Миш, тогда чур я на лошади, а Лёха пешком пусть походит... — сказала Машка и отвернулась к окну, давая понять, что к компромиссам не готова.

Тот хитро улыбнулся и сказал, хлопнув себя по коленкам: — Разберёмся...

Тяжёлая от холодной росы трава неприятно ластилась к ногам. Штаны сразу вымокли насквозь до колен, и зябкий воздух быстро пронзил хрупкие детские тела. «Надо было сапоги натягивать...» — подумал Лёха и вздохнул, хлюпая сырыми калошами. Ледяная влага выгнала из головы тяжесть недосыпанных часов. Машка плелась сзади и что-то напевала. Из тумана появился Почечуев. На губе висела сигарета без фильтра, а на плече кнут.

— Так, вы идите на тот край и гоните коров к дубам, там соберём их в стадо и лошинкой, не спеша, погоним их на пруд. Ясно? — спросил он и, не ожидая ответа, опять растворился в тумане.

Со стороны деревни тянулся народ, погоняя своих коров. Доносился бодрый мужицкий свист да бабья болтовня — нужно было выговориться обо всём, что за ночь надумалось. Изредка был слышен лай собак. Над лесополосой оранжевая сфера утренней зари подняла грачей на облёт, которые с беспорядочным гвалтом взмыли над просыпающейся деревней.

Коров становилось всё больше. Откуда-то со стороны деревни послышался крик Почечуева:

— Лёха! Лёха! Иди сюда! — орал он из кисельного тумана.

Мальчик пошёл на голос. Густая пелена рассеивалась, и скоро у сараев он увидел троих мужиков в компании дяди, который под уздцы держал двух скакунов.

— Так, давай, седлай их и к стаду. Я сейчас подойду, — озадачил он пацана и продолжил о чём-то болтать с друзьями.

Лёха едва удержался, чтобы не заорать от счастья. Целых две лошади! То ли ещё будет!

Рыжий старый мерин Никсон стоял возле сарая, уткнувшись носом себе под ноги, он уже был запряжён. Рядом стоял вороной жеребец Гриня. Лёха знал этих коней, уже сотню раз гонял на каждом из них. Оба отличались нравом. Никсон был меланхоличным коренастым меринком. Обычно в деревне он был любимцем детей и всех, кто учился ездить верхом. Его все обожали, а потому прощали его старческие недостатки. Если он долго стоял на месте, то скоро мог улечься вместе с седоком. Неопытные всадники порой выпадали из седла, что вызывало смех у окружающих.

Лёха подошёл к вороному Грине. Этот жеребец пылал энергией и доставлял хлопот своим тяжёлым нравом. Вот и теперь он топтался на месте, фырчал и мотал головой, отчего блестящая грива рассыпалась по мощной шее. Пыжась и кряхтя, Лёха подтащил тяжёлое седло и вскинул его на коня, тот недовольно повёл спиной, но продолжил смирно стоять. Закрепив разлохмаченный подпuzник, мальчик запрокинул уздечку и просунул леденец в рот, который загремел между лошадиных зубов. Молодой пастух ловко запрыгнул на коня, что вызвало одобрение у мужиков.

Когда он оказался в седле, то сразу почувствовал мощную энергию коня, сердце в груди заколотилось, прилив сил мгновенно наполнил его утомлённое недосыпом тело. Хотелось тут же ударить в галоп, но нужно было вести за собой Никсона, который предназначался для Маши.

Конь и всадник чувствуют друг друга, будто связаны на непознаваемом уровне. Несмотря на всю свою мощь, лошадь — нежное существо. Дед учил, что со всеми живыми тварями, за которых берёшь ответственность, нужно разговаривать, любить. Он был уверен, что они его понимают, не дословно, а иначе. Как — он и сам не знал, но видел, что это работает. Потому разговаривал с пчёлами: ругал их, хвалил, рассказывал сказки, считая их разумными и нисколько в этом не сомневаясь. Может, от того и в хозяйстве всё спорилось и водилось.

Солнце всё выше карабкалось по крышам домов, а туман сползал к земле. Близилась жара, от прежней зябкости не осталось следа. Работа началась. Ребята дружно объезжали стадо, собирая наиболее вредных коров, что норовили юркнуть в ближайший лес. Скоро Лёха заметил, что Маша устала. Она полулёжа устроилась на широкой спине мерина и заплетала косички из рыжей гривы. Брат улыбнулся и не стал беспокоить сестру, вздёрнув узду, он помчался за очередной рогатой хитрицей, которая сунула нос в стог сена.

— А ну пошла, бестолочь! — крикнул Лёха и взмахнул длинным кнутом, который взвился в воздухе на всю длину и звонко хлопнул, отозвавшись эхом в лесочке, корова испуганно взбрыкнула и рванула в стадо. В деревне многие кнуты плели, и тем он считался лучше, чем громче и звонче звучало оконечье. Порой делали такие, что звонкий щелчок слышался по всей округе. Лупить скотину кнутом было делом нехорошим, но такое бывало. Дед Алёшке объяснил, что громкого щелчка кнута вполне хватит, чтобы усмирить корову и заставить её вернуться в стадо.

Гриня звука кнута не боялся и лишь слегка повёл ушами — привычный. Было время, судьба этого коня висела на волоске. Когда обнаружили, что он косит на один глаз, его хотели выбраковать, и ждала животину дорога на скотобойню. Но в последний момент его себе выпросили пастухи. Местное начальство пошло на уступку. Так жеребец и стал пастушьим конём, которого все любили, несмотря на его вздорный нрав и непокорность.

Туман рассеялся, бурёнки собрались в стадо. Почечуев сказал, чтобы они не спеша шли в сторону пруда. Деревня оставалась позади, самые ленивые хозяева бегом их догоняли, подхлёстывая рогатую хворостиной. Когда пастухи скрылись за холмом, коровы успокоились и пере-

стали тоскливо смотреть в сторону дома, мирно пощипывая травку. Лёха ехал сзади и слегка подгонял увлѣкшихся коров. Маша, покачиваясь на мощном крупе Никсона, мирно спала, а тот, опустив голову, брѣл вслед за всеми.

Ещё через час животные стали ложиться в тени перелеска. Лёха спрыгнул с коня и плюхнулся на траву, потянувшись под нежными, ещё не размаривающими лучами летнего солнца. Где-то возле уха стрекотали кузнечики, по земле носились чудноватые ящерицы, а высоко в небе заливался жаворонок. Глаза начали слипаться, вернулась утренняя усталость сна. Он прикрыл глаза и даже на какое-то время увидел сон.

— Лёха! Ты чо дрыхнешь там, что ли?! — раздался голос дяди Антона.

Лёха вскочил и, не успев стряхнуть с себя дремоту, сначала ляпнул какую-то чушь, но быстро поправился:

— Я... нет... просто прилѣг вот... — сбивчиво ответил он.

Почечуев выковыривал какую-то железяку из-под земли в перелеске.

— Иди сюда, малый, поможешь, — не отрываясь от дела, сказал он.

Вдвоём они подручными палками откапывали какой-то толстый железный лист. Чем больше они работали, тем шире становилась находка.

— Та-а-к, — протянул дядька и почесал затылок, — тут дело не на пять минут. — Ещё с минуту помолчав, он сказал: — Лѣш, ты тут за старшего остаёшься, а я поеду, найду кого-нибудь подмогнуть. Надо эту железяку вывезти, пока кто другой не нашѣл.

Он вытер грязные руки о штаны и оглядел пастбище.

— Коров куда не гони. Пусть идут, как шли, жрут траву, дорогу к пруду они знают. Так, вороти в стадо самых дурных, но в кучу их не сбивай, а то побегут. Пушай разойдутся немного вдоль лощины, чтобы не мешались друг другу. — Он посмотрел на спящую Машу. — Девку буди, на мерине спать не надо, а то он сам может залечь, свалится и покалечится, отвечай потом за неё. Ну, вроде всё. Я поехал.

Когда машина, загредев бортами, выползла из лощины и, подвывая, двинулась в сторону дороги, Лёха вздохнул с облегчением. Ему нравилось, что он стал хозяином положения и всё было в его руках. Да к тому же Почечуев был невыносимым, тяжѣлым человеком. В деревне его никто не любил, но и не ссорился. Влезал Антон всюду, где маячила хоть какая-то нажива. Потому, хочешь того или нет, приходилось общаться. Любое барахло, которое присматривал он, тут же оказывалось у него. Армия местных пьянчуг и уголовников целыми днями болталась у его дома, выполняя различные указания. Даже когда кто-то из мужиков травился его дрянным самогоном, доказать, что виноват был именно Почечуев, было невозможно. Всё местное милицѣйское начальство регулярно приезжало к нему на шашлыки.

Машина скрылась, Лёха поскакал к Машке и, свистнув, разбудил. Мерин меланхолично шлѣпал себя хвостом по крупу и равнодушно побрѣл после того, как девочка оказалась в седле. Коровы мирно паслись, лишь некоторые, особо рьяные, иногда срывались в бег в сторону леса, куда строго-настрого было запрещено гонять скот. На другой стороне росла кукуруза, и если стадо до неё дорвѣтся, то выгнать оттуда его будет непросто. Тем более что, обожравшись кукурузы, коровы могли сильно пострадать, скотина не может вовремя остановиться и жрѣт, покуда не станет плохо.

Когда стадо успокоилось и коровы улеглись, ребята присели под старым дубом, достали из старого зелёного рюкзака термос и бутерброды с котлетой. Изрядно помотившись вокруг стада, они нагуляли хороший аппетит, а потому тут же принялись за скромный, но очень вкусный завтрак.

— Маш, а давай разок наперегонки, а? — предложил Лёха, и в его глазах мелькнул азартный огонѣк.

— Ну, не знаю, — ответила сестра, пожимая худыми плечами, — у тебя вон какой конь шустрый, а у меня он старый.

Ребята рассмеялись, глядя, как Никсон, будто обидевшись, отвернул голову.

— Давай в одну сторону поедem каждый на своей лошади, а обратно поменяемся.

— Давай, так будет честно...

— Только, Маш, Гринька-то он же как бешеный летит! Ты не грохнешься?

— Нет, делов-то! — Девочка встала и погладила жеребца по носу, тот замотал мордой, а Машка быстро взобралась на него.

— А давай-ка я туда на нём. А обратно поменяемся.

— Я не против, — пожал плечами мальчик и, подойдя к Никсону, почесал ему голову между ушей и быстро уселся в седло.

Они были готовы, стоя на грунтовой дороге. «Раз, два, три-и-и!!!» — прокричал Лёха, и дети рванули вперёд. Поначалу Гриня явно выходил вперёд, быстро перейдя с рыси на галоп. Никсон никак не мог набрать скорость, но постепенно его шаг становился увереннее, и скоро мерин выровнялся с жеребцом, ровным стуком копыт об пересохшую землю перешёл на галоп. Какое-то время скакуны шли вровень. Перед глазами открывался горизонт. Разбухшие облака, казалось, остаются позади. Быстро менялся пейзаж, и скоро лесополосы и бесконечные пастбища сменились уклоном к Дремучей.

Здесь река съезжалась до размеров ручья, будто её теснили широкие спины полей, давили своим могуществом на русло. Казалось, вот-вот и совсем прекратит своё долгое течение скрытая Дремучая, но дальше она вновь набиралась водами родников и, будто раздвигая тучные пастбища, вновь становилась полноводной.

Тяжело дыша, жеребец остановился у поросшего сочными травами берега и начал жадно пить из реки. Всадница была немного напугана, и в то же время её глаза горели спортивным азартом. Скоро появился Лёха на взмыленном мерине.

— Твоя взяла, Маш, но дело в лошади. Мерина я загонять не стал, почти пешком доехал...

— Ладно, ладно... теперь уж не выдумывай... — засмеялась сестра. — Надо назад ехать, а то ведь далеко мы ускакали, как бы коровы не ушли.

— Это да, — ответил Лёха, приглаживая растрёпанные волосы.

Назад они ехали спокойным шагом, так как лошади сильно устали.

В поле, где росли старые дубы, в чьей тени дремали коровы, никого не было. У Лёхи похолодело в груди, Маша испуганно огляделась. Животных нигде не было.

— Ушли в кукурузу. За мной! — скомандовал он сестре, и они рванули к лесополосе, за которой должны быть коровы.

Те жадно поедали листву растений. Некоторые уже порядком объелись и ходили с раздутыми животами. Напуганные дети метались по полю, гоняя бестолковый скот, который, едва выйдя с поля, разворачивался и снова терялся в нём.

Боковым зрением Лёха увидел, как подъехал головастик Почечуева. «Сейчас начнётся...» — подумал он, справедливо полагая, что втык будет ему нешуточный. Тот вылез из машины, а вслед за ним из кузова выпрыгнули два бича, которых он привёз выковыривать металлическую шутовину из земли. Дядя им что-то сказал, и все втроем они разошлись по полю. Скоро над ним послышался свист и тяжёлая матерная ругань. Отовсюду начали сбегаться рогатые и собираться в стадо. Минут через десять скотина была собрана и мирно улеглась на поле с набухшими круглыми животами.

— По жопе вам дать некому! — гаркнул Почечуев. — Главное, чтобы не разболелись, а то нас всех с говном съедят. Ладно, смотрите в оба. Мы рядом будем. Э-э, гаврики, за мной, — скомандовал он бичам, те погрузились в кузов, и машина уехала к лесополосе.

Дети переглянулись.

— Я думала, он нас убьёт! — прошептала Маша.

— Не-е, я знал, что спокойный будет. Вон сколько железа нашёл, поэтому добрый, — ответил Лёха, а у самого всё это время, пока был дядя, сердце было в пятках. Конечно, Почечуев не стал отчитывать детей, потому что сам уехал и оставил их одних.

День был тяжёлым. На его исходе жадные комары грызли утомлённое потное тело. Но сил отмахиваться от них не было. Лёха отпустил уздечку, и жеребец сам шёл в сторону деревни. Между ног всё горело, с непривычки так натёр промежность о седло, что теперь точно день враскоряку ходить. Машка, которой ездить верхом надоело уже к обеду, теперь полулёжа дремала на лошадином крупе, переваливаясь вслед за ним и положив голову на спину брату. Никсон, опустив голову, шёл рядом.

Сельчане уже ждали своих кормилиц. Длинная пологая балка была усыпана людьми, которые кучками там и сям собрались и что-то горячо обсуждали, смеялись, дети играли или носились друг за другом. Молодёжь обычно прихорашивалась и собиралась обособленно от всех остальных.

«Марта, Марта... Рыбка... Апрелька...» — слышалось на вечернем поле, в ответ некоторые пускались в бег, слышав родной голос, другие продолжали лениво брести, нет-нет да ущипнув травки. Каждый, выискивая свою подопечную, забирал её из стада, и неспешно они шли в сторону своего дома. Совсем скоро по металлическим подоюнкам зазвенит струями молоко из упругого вымени. А едва хозяйка закончит дойку, её ведро быстро переключает в детские руки. Губами детвора жадно припадёт к краю подоюника, наслаждаясь сладковатым тёплым молоком. А потом, переведя дыхание и нетерпеливо дождавшись, покуда мать или бабка утрёт белые молочные усы подолом, снова начнёт носиться по засыпающему лугу, заставляя умолкнуть меланхолических кузнечиков.

Глава 4. Надя

С утра в доме Судиных обстановка была нервной. Сергею Сергеевичу позвонили на домашний телефон. Он сидел бледный и нервно постукивал пальцами по столу.

— Что случилось, Серёжа? — спросила Надежда, ставя на стол посуду для завтрака.

— Давыдов попался на взятке! — с отчаянием сказал он, — а мы тут такую кампанию развели...

Судин терпеть не мог своих подчинённых. Непутёвые и ленивые работники райадминистрации могли провалить любое дело. Он же начинал свой бизнес в начале девяностых годов. Пережил много перипетий, но с безалаберностью мелких чиновников справиться не мог. Они были злобны, корыстны и мелочны. Бывало, что придёт человек по делу, а ему: «У нас совещание!» А сами разложат старые постановления да указы на столе и колбасу жрут за закрытыми дверями.

Не думал он, что, однажды войдя в местную политику, в ней завязнет. Здесь его знали как человека, помогающего спортсменам и занимавшегося разными общественными делами. Побыв главой, он думал идти выше в своей политической карьере, но в итоге уже сидел на втором сроке в отстающем по всем показателям районе.

Ко всем прочим несчастьям сверху прислали рекомендацию всеми силами удерживать людей на местах, так как те панически уезжали в большие города, устав от безнадёги. Лучшим претендентом на успех стал Давыдов, который служил крупным чиновником в Москве. Он был из местных. Нашли даже учителей, друзей, соседей, которые знали его как человека ответственного и умного. Судин специально ездил в Москву, чтобы он там пожал руку земляку-министру для фотографии.

И вот попался родненький на коррупции, борьбу с которой он сам и вёл. Теперь Судину было нужно как-то откатить всю эту кампанию назад. Первое, что пришло ему на ум, — позвонить главному редактору газеты, чтобы он подготовил материал о том, что «тот Давыдов — не тот». На всякий случай он позвонил и школьному директору и попросил его убрать со стенда «Великие земляки» проворовавшегося чиновника, а заменить его Комориным, местным поэтом.

Проблемы мужа сильно волновали Надю, но нужно было его убедить забрать племянника Алёшу к себе. Сергей вышел на балкон и смачно затягивался сигаретой и запивал её кофе.

— Серёж, нужно что-то решать с Алёшкой, — сказала Надя, глядя в окно, — с учёбой дела у него плохи, уроки пропускает...

— Ой, — отмахнулся он, — у него есть дед. Добриковы пусть живут так, как хотят. Где мы его поселим? С Машей? Она вырастет, ты и сама это понимаешь.

— Давай гостиную ему отдадим, у нас ведь есть зал...

— Это исключено. Коллеги привыкли, что я принимаю их в гостиной. Где мы можем спокойно всё обсудить. Если хочешь, можно оформить его в детский дом. Будешь его там навещать хоть целыми днями. Я договорюсь.

Он с силой вдавил окурок в пепельницу, отчего на пальцах остались чёрные следы от пепла.

— Тогда в зале поселим его. Неужто нам места не хватит? — спросила она, недоумённо глядя на супруга.

— Надя, тебе не кажется, что ты этому пацану стала уделять времени больше, чем дочери? А если у нас жить будет, то и вовсе про Машку забудешь? — гневно спросил Сергей, — повторяю: пусть там дед сам разбирается с внуком, а тут никого видеть не хочу, кроме своей семьи!

— Во-первых, не называй его пацаном. А во-вторых, Михаил Петрович — мой дядя! — сказала она, отвернувшись к окну.

— Ну да, дядя! А как же, я и забыл. Когда-то вашей семье нужна была помощь, тебе нужна была помощь, он даже пальцем не пошевелил. Когда твои непутёвые братцы мать довели до больницы, когда тебе нужны были деньги на жизнь в городе, пока ты училась, где он был, твой дядя? А? Я всех вас тащил и помогал. Больше я никого вытаскивать не буду, у меня есть вы — ты и Маша, больше мне никто не нужен.

Сказал он и хотел приобнять жену за плечи, но она выскользнула из его объятий.

— Ты решил посчитать, сколько мои родные тебе должны? Тогда уж и меня считай! — она резко повысила голос, что для неё было совсем не свойственно. — Сколько я тебе должна за то, что ты меня «тащил»?!

— Ну ладно, извини, лишнего я наговорил. Просто вся эта ситуация на работе выбивает меня из колеи...

— Уходи, не хочу тебя видеть... — Надя снова отвернулась к окну, а на её глазах появились слёзы.

Сергей попытался было снова её обнять и поцеловать, но она его оттолкнула. Махнув рукой, он накинул пиджак и вышел из квартиры.

Надя смотрела в окно и снова, как вчера, вспоминала время, когда Алёшка, совсем маленький, едва живой оказался в больнице, после того как её брат принёс мальчика в магазин и оставил на прилавке.

Она помнила тот холодный осенний день. С утра возле магазина собрались люди и ждали, пока разгрузят свежий хлеб. Но внезапно появился Витка Миронин со свёртком в руках. Босой, страшно измученный, он ворвался в магазин.

Люди ввалились в магазин и, раскрыв рты, замерли: кто-то качал головой, кто-то переговаривался. Оцепеневшая продавщица развернула сырую одежду и вскрикнула от неожиданности — перед ней лежал младенец с посиневшей от холода кожей.

— Разойдись!!! — буквально ревел мужик и расталкивал зевак, заполонивших вход. Это был Михаил Петрович Добриков, за ним бежала и Надя. Они подскочили к прилавку, к этому времени оторопевшая поначалу женщина быстро сообразила и укутала мальчика в кофту и тёплую шаль.

— Он живой, но очень плохой, его врачу нужно показать! — сказала она, переводя дыхание.

— Скорую, срочно! — гаркнул мужчина, взяв дитя в руки.

— Они на вызове! Звонили уже, позже приедут, — встревоженно сказала продавщица, — нашего фельдшера тоже нет, она в область с утра уехала...

— Так, за мной! — решительно скомандовал мужчина и передал малыша Наде.

Они выбежали на улицу к хлебовозке, возле которой курил равнодушный водитель.

— Ключи! — крикнул мужчина так, что водитель вздрогнул. — В зажигании... А зачем? — удивлённо спросил он, но вопрос был задан в пустоту, так как рядом уже никого не было.

Михаил Петрович сел за руль, Надя с маленьким Лёшей рядом. Старый «ГАЗ» заскрежетал зажиганием, закричал и, подвывая, тронулся.

— Э, куда! — заорал оклемавшийся от сонливости водитель. — А хлеб-то! — махнув рукой, возмущённо сказала бабка, сжимая в руке авоську.

Этот день Надя не забудет никогда. Прижимая к груди тельце умирающего мальчика, она будто поделилась с ним своей жизнью, после этого дня она долго не могла прийти в себя и болела.

Тогда, уже подъезжая к больнице, Лёшка начал плакать во весь голос. «Ожил» — сказал Михаил Петрович, и на его глазах выступили слёзы, плакала и Надя. Мальчика отправили в область, где его ожидала долгая реабилитация. Врачи пожимали плечами и говорили, что они

делают всё возможное и надеются, что вся эта ситуация сильно не повлияет на его ментальное и физическое здоровье.

Витька в тот день помер. Сердце его не выдержало. Скорая приехала, несчастного отца погрузили в машину и увезли. Схоронили обоих супругов на старом кладбище без поминок и прочих церемоний.

Ребёнка выписали нескоро. Михаил Петрович сразу поднял вопрос об опекунстве. Для него было важно сохранить этого ребёнка в семье. В нём заключалась тонкая нить преемственности. Он был уверен, что сможет воспитать из мальчика настоящего Добрикова, который продолжит их угасающий род. Его не пугала наследственность. Он был уверен, что приобщив к труду и ответственности, ничто не помешает мальчику стать хорошим человеком. Мыслей о том, что ребёнок мог быть не Витькин, Михаил Петрович близко не допускал, несмотря на своё критичное отношение к жизни.

Тогда много нервов потрепали Добрикову. Племянница горой встала на его сторону и пообещала всеми силами помогать в воспитании мальчика. Против был её муж, тогда у них на руках была маленькая дочь, родившаяся годом раньше. Пройдя весь бюрократический ужас, Михаил Петрович стал опекуном, дал ему свою фамилию и назвал Лёшей. Надежда вместе с дочерью Машей уже тогда стала много времени проводить в семье дяди, помогая ему с маленьким ребёнком. Но лишь Сергей Судин был против этого, посчитав, что его супруга стала мало времени уделять дочери.

Глава 5. Укус

Резкий порыв ветра сорвал с деревьев листву. Удерживая платок на голове, пожилая женщина ускорила шаг, увидев, как на горизонте засверкала молния.

— Ну этот раз губы надул, точно ливень принесёт, — корил ветер дед, поправляя старый серый пиджак, который он надевал, едва почуяв похолодание.

Через минуту крупные капли дождя застучали по шиферу. Лёха разводил дымарь, запихивая в него сухие гнилушки, которые собирал из дупел старых деревьев. Он зашёл под крыльцо.

— Видать, сегодня отбой у нас! — расстроено выдохнул старик.

А внук даже был рад, так ему не хотелось лезть в улыи. Крупные капли дождя загрохотали по железному навесу. Они ушли в летнюю кухню. В ней уже была приготовлена медогонка, накрытая тканью от пчёл и ос, что без конца норовили туда залезть. На выбеленных стенах висели маски и халаты. Наверху, чуть не под крышей, лежали какие-то пчеловодческие инструменты, чьё предназначение Лёшке было неизвестно.

Обычно сюда с первым потеплением переносилась вся кухонная утварь из дома. Готовили и ели здесь вплоть до первых сильных холодов. Надя не очень любила эту традицию. Если готовила она, то вместе с Машей занимались этим дома, но обедать всё же приходилось за старым, дубовым столом в летней кухне. Он был круглый, с необычными резными ножками, дед им очень гордился, ведь его купил ещё отец в начале пятидесятих годов.

Вот и теперь, спустя много десятилетий, старику было важно собираться за этим столом, подчёркивая родственность. Значимость каждого друг для друга. Это было что-то первобытное, когда жизнь человека ежеминутно висела на волоске и всем было важно быть ближе друг к другу. Чтобы не потерять из виду, слышать дыхание родного человека и понимать, что он жив и находится рядом.

Дед с внуком сидели у открытой двери. Они смотрели, как тяжёлые капли хлещут по яблоневым листьям, влажный ароматный воздух потихоньку наполнял единственную комнату летней кухни. После нескольких дней утомительной жары проливной дождь был наградой для всего живого.

— Просвет появился, — сказал Михаил Петрович и указал пальцем с отломанным ногтем на небо, где среди туч проявилась синева. Ветер уже успокоился, дождь резко прекратился, где-то вдалеке гремел гром. — Сейчас чуть обдует и пойдём работать.

После этих слов он хлопнул себя по коленкам и не спеша вышел на улицу.

Лёхе не хотелось лезть к пчёлам, но спорить со старым фанатом было бесполезно.

Уже через полчаса он натянул на себя маску и халат. Быстро развёл потухший дымарь заново, и тот запыхтел густым белым дымом. А потом, взяв стамеску для поддёва прилипших рамок, пошёл на пасеку.

Среди жужжащих пчёл Алёшка иногда чувствовал себя очень тревожно. Едва-едва он удерживал себя от того, чтобы всё бросить и убежать. Особенно жутко становилось, когда пчела запутывалась где-то в складке маски или воротника: её жужжание делалось пронзительным, злым. Со временем эти страхи улеглись, но порой давали о себе знать. Соты были заполнены мёдом. В воздухе витал аромат смеси мёда, прополиса и пчелиного яда. Дед вставлял стамеску под плечико рамки, извлекая её из улья. Густой разнотравный мёд был закрыт забрусом, который Лёхе предстояло счищать специальным инструментом. Сейчас он брал тяжёлые соты у старика и ставил в переноску.

— Помногу не таскай! — строго сказал Михаил Петрович.

Внук кивнул и понёс медовые рамки в летнюю кухню.

Когда он пришёл в последний раз, то почувствовал, что по шее ползёт пчела. Стараясь не придавать этому значения, он продолжал складывать медовые рамки. Нельзя паниковать, иначе насекомое точно укусит. Она уже заползла на подбородок — он не подавал виду, скоро добралась до щеки и внезапно заползла в нос. Тут мальчик не сдержался, пролез рукой под маску и попытался вытащить пчелу из носа.

— Рукой не трогай! — крикнул дед, — сморкай!

Но было поздно, Лёхины ковыряния раззадорили пчелу, и она укусила. Он, сорвав маску, чихнул, насекомое вылетело наружу и в предсмертной агонии закрутилось на траве. Страшное жжение началось в носу, стало тяжелее дышать. Лёха запаниковал.

— Бегом домой! За буфетом стоит самогон, выпей полстаканчика! — крикнул дед и пошёл вслед за внуком.

Он ворвался в кухню, схватил самогон и дрожащими руками впопыхах налил себе полный стакан и тут же его выпил. Теперь жжение появилось и в горле, в глазах потемнело, во рту был отвратительный вкус. Он плюхнулся на диван, дышать стало легче, в голове началась какая-то странная круговерть. Лёшка попытался встать, но тут же откинулся вновь. Лёгкость, окутавшая всё его тело, пришла на смену болезненным и неприятным ощущениям, будто в награду за мучения.

— Та-а-к! — протянул старик, — а теперь немедленно ложись в постель и поспи, — в приказном тоне сказал он. — Да я нормально, пойдём работать, не хочу спать! — мальчик глупо улыбнулся и попытался встать. — Я вижу, что нормально. Поэтому — спать, а я сам закончу, там немного! — отрезал Михаил Петрович.

Внук остался недоволен решением старика, но спорить не смел. Едва он укрылся одеялом, как тут же погрузился в сон и проспал до самого вечера.

— Вставай, Лёш! — грубая дедовская ладонь потеряла плечо мальчика, — а то всю ночь бродить будешь!

Лёшка нехотя поднялся, в голове был какой-то шум и чувствовалась слабость.

— Пойдём, я там тебе супчика горячего приготовил и чайку сладкого заварил. — Не хочу! — перевернулся внук на другой бок. — Давай, давай! Подъём! А то сейчас водой окачу ледяной! — пригрозил старик.

Лёха глубоко выдохнул, сел на кровати, натянул майку, трико и, сунув ноги в тапки, лениво ими шоркая, пошёл на кухню.

Аромат куриного супчика пробудил аппетит, и он принялся его уплетать.

— Дед, а с пчёлами-то что? Ты один качал? — Нет, завтра с тобой доделаем. Одному мне тяжело. — Что-то я боюсь... — пережевывая мясо, произнёс Лёша и отложил ложку. — Ничего! Это бывает! У меня тоже такое было! Но я переборол страх, — отмахнулся дед. — Когда я был в твоих годах, полез как-то за вишней в сад одного пчеловода, но не заметил, что на самой макушке сидел целый рой. Только я дернул ягоду, ветка шевельнулась и как они мне дали просрать! Нажиляли так, что чуть не помер. Раздулся весь я тогда, глаза пару дней не видели. Ой, малый, как мне тогда плохо-то было! — тихо посмеиваясь, рассказывал он. — И что потом? — спросил Лёха, шумно хлебая чай. — А потом я каждой мухи год боялся, только кто зажужжит — я бегом прятаться! А тут лето, батя мой спину потянул на работе! А мёд-то качать нужно. Вот и пришлось мне идти помогать. Потом весь покрылся, поджилки дрожат... Только подойду к ульям, они меня тут же атакуют. Тогда мне отец сказал, что пчёлы чувствуют страх, с ними надо смелее трудиться, с любовью и нежностью. Помнишь, как ты рой голыми руками снимал? Ни одна тебя не укусила.

Когда старик рассказывал об этом, он менялся в лице, глубокие морщины между сведённых бровей становились меньше, появлялась едва уловимая улыбка — так говорил он о тех, кого любил.

Лёху вроде не пристыдили, но ему стало как-то не по себе из-за того, что он испугался какой-то малюсенькой пчелы. Ведь и кусали они его сколько раз и никогда он не придавал этому большого значения. Но вдруг понял, что испугался он вовсе не пчелы, а того, что задохнётся и умрёт! «Я — умру!» — врезалась ему в голову мысль. Когда-то его положат в гроб и отнесут на кладбище, закопают в землю и его больше не будет. «А если я проснусь в гробу? А если меня живым похоронят?» В общем, накрутил он себе, и теперь мысль о смерти его не отпускала.

— Так, и вот ещё, — перебил его мысли дед, — ты сегодня выпил самогон как противоядие, надеюсь, тебе не понравилось... — Нет, голова тяжёлая и вообще плохо... — Вот и именно, Лёш. Держись подальше от этой дряни.

А Лёху не отпускала мысль о смерти.

Глава 6. Настя

Учебный год прошёл у Лёхи очень плохо. В следующий класс его перевели из уважения к Михаилу Петровичу и Судиным. Чтобы непутёвый племянник не портил им репутацию и статистику школы, которую из года в год тоже обещали закрыть. В общем, перевести отстающего ребёнка было делом обычным, потом его либо в армию отправляли, либо в районное профучилище. Теперь ему нужно было ходить «на осень» в школу соседней деревни, чтобы подтянуть свои знания. Решалось это всё как зря, а потому и мальчик большого значения своей проблеме не придавал. Оставят на второй год, думал, да и ладно. С одноклассниками у него тоже не сложилось. Вроде и не враждовал ни с кем, но и друзьями не обзавёлся. Сам по себе бродил, что-то читал, в футбол играть за деревню не ходил.

Радовало Лёху жаркое лето. Это значило, что можно было забраться куда-нибудь подальше понаблюдать за дикой природой, ягод домой принести, да и просто поваляться где-нибудь у реки с книгой.

После тяжких часов в школе он, как обычно, решил пойти домой пешком дальней дорогой. Впереди долгая прогулка, погрузится он в свои фантазии под птичий свист, да и незаметно дойдёт. К тому же и настроение станет лучше.

Вдруг он услышал смешки за спиной. Несколько старшаков увязались за ним. Хихикая, они заметно сокращали расстояние. Алёшка ускорил шаг, чувствуя, как то ли от волнения, то ли от страха вспотели ладошки.

— Слышь, дурик, стой! — услышал он голос сзади.

Убегать было бесполезно, старшаки были крепче, а потому вмиг бы догнали. Невысокий, курносый парень вразвалку подошёл к Лёхе и молча ударил его в грудь так, что он отлетел в густую траву. Остальные засмеялись. Лёха попытался подняться, но тот ударил его ногой, и он снова оказался на земле. На глазах наворачивались слёзы — не от боли, а от обиды, что он не в силах что-то сделать. Под спиной что-то лежало. Это была какая-то труба. Он схватил её и вскочил на ноги. И когда обидчик хотел в очередной раз его ударить, он размахнулся своим неожиданным оружием.

— Э-э, ты чо, псих! — воскликнул напуганный гопник, — убери трубу! — Не подходи, убью, — буквально прошипел разозлившийся Лёха.

Ребята отступили. В этот момент он бросил оружие и что было сил бросился наутёк.

Хулиганы побежали за ним. Стоящие в рядок улья в небольшом саду оказались кстати. Насекомые всюду кружили в воздухе. Лёха знал, что если пчёл не раздражать, то они не тронут. Он замедлил шаг, подошёл близко к ульям, лёг в траву и замер. Насекомые немного покружились над ним, но быстро потеряли интерес.

В этот момент вспомнилась история, которую поведал дед. Местный пьяница так прятался от милиции. Улёгся на пасеке, а участковый походил вокруг да и ушёл несолоно хлебавши. А пьяницу пчёлы так и не тронули, хотя водкой от него за версту несло.

Старшаки остановились, не решаясь подойти. Мальчик продолжал лежать в траве и боялся даже дышать, чтобы случайно не переключить внимание насекомых на себя.

— Отвяжитесь от него! — услышал он голос.

Это была девочка, которую он пару раз видел в школе летом. Её мама вроде как учительницей была, они недавно переехали в Ясенку.

— Чо? — удивлённый наглостью протянул курносый, начиная всё сильнее паниковать, — я те ща... Он замахнулся на девочку. — Только попробуй, — не дрогнув в голосе ответила она, — и тебе хана! — Чо? — опять протянул хулиган, — мне? Хана? И от кого же? — парнишка двинулся в сторону незнакомки.

Лёха молча смотрел на происходящее и теперь чувствовал себя ещё отвратительнее. На его глазах пытались обидеть девочку, а он сидел как деревянный и ничего не делал. К горлу подступил ком, казалось, что лицо горит огнём то ли от стыда, то ли от трусости.

— Пошли вон от неё! — крикнул он так, что сам испугался своего голоса. Что-то с ним случилось такое, чего раньше он не переживал. — А то получите сейчас!

Сердце ухнуло вниз, он задыхался от страха после того, как хулиганы перевели взгляд на него.

— От кого? От тебя? — говорил в нос один из пацанов.

У Лёхи в глазах помутнело, а страх продолжал сковывать тело.

— От нас! — ответила смелая девчонка и указала на Лёху.

Хулиганы загоготали. Но в этот момент один из них взвизгнул, пчела шумно ужалила в ухо гопника.

— Бежим, пацаны! — махнул рукой другой и они рванули, что было сил.

Новая знакомая помахала Лёхе, не обращая внимания на насекомых: — А ты смелый! — улыбнулась она, — они же старше и сильнее.

«Она видела как ты удирал!» — съязвил внутренний голос. От этого стало совсем не по себе. «Зато ответил им!» — парировал этому противному внутреннему болтуну он.

В этот момент земля вернулась под ноги. Ком отступил, было непонятно, что делать в этой ситуации. Больше всего хотелось, чтобы эта навязчивая девчонка ушла, а ему можно было пойти домой. Но она явно не собиралась уходить.

— Я струсил, — зачем-то ляпнул мальчик, а внутренний голос будто с насмешкой сказал: «Кто ж такое девочкам говорит?»

Она подошла ближе, села рядом на траву и вздохнула: — Ну, не знаю, их вон сколько, а ты один. Да и вообще они просто придурки. Но железной трубой ты их напугал! — вывела своей инициативой его из сложного тупика. — Да... я... просто так вот... — сбивчиво бормотал Алёшка, при этом немного сторонясь новой знакомой. — Ты всё правильно сделал. Спасибо, что заступился, — сказала она и, протянув руку, добавила: — Меня Настей зовут. — Я — Лёшка! Пойдём отсюда, а то нас покусает, — ответил мальчик, отметив про себя, что он её не звал, а просто предложил отойти дальше от опасности. — Мы недавно переехали сюда, — идя по тропинке, сказала она, глядя на своего мрачного и неразговорчивого собеседника. — Моя мама учительница. Русский и литературу будет вести с этого года.

Они шли вдоль березовой лесополосы, выбивая клубы пыли кедами. Вокруг пели птицы. В поле тарахтел одинокий трактор. Деревня заканчивалась и остались последние три дома.

Незаметно для себя Алёшка так разболтался, что уже перебивал свою новую подругу. И про деда, и про пасеку, про сестру Машку, которую почти не видит из-за того, что родители грузят её учёбой. Вдруг он поймал себя на мысли, что ему очень легко говорить с девчонкой и потому не замолкал всё время! Всю душу излил человеку, которого едва знал.

— Ты любишь рыбалку? — неожиданно спросила Настя, когда ей наконец удалось втиснуться в Лёшкину болтовню.

Он немного растерялся и, остановившись, ответил: — Никогда не ходил. Дед не любит, считает, что это безделье. А разве девочкам интересно на рыбалку ходить? — Ну ты скажешь. Что ж мне в куклы играть? — рассмеялась новая подруга Лёхи, чем сильно удивила его. — Рыбу ловить — это очень круто, да и улов домой принесёшь! В магазине такого не купишь, она там вся какая-то невкусная, — поморщила нос девочка. — Пойдём ко мне, я тут живу, — указала она на дом с синей крышей, — там в гараже у меня снасти.

Дорогой Лёшка удивлялся такому неожиданному знакомству. Да и в гости так легко согласился пойти. Он не любил бывать у чужих людей, да и родных вниманием не баловал.

Они подошли к дому с цветущими кустами сирени. Во дворе занималась огородом женщина.

— Мам, привет! — крикнула Настя. — Я покажу Лёшке удочки? — спросила она и, не дожидаясь ответа, махнула рукой новому другу и они пошли к железному гаражу. — А папа твой где? — спросил Лёшка, когда они вошли в душный, разогревшийся на солнце гараж.

Она изменилась в лице.

— Папа мой погиб на войне...

Лёшка онемел и не знал, что сказать, ему даже стало стыдно, что задал такой вопрос.

— Я не знал... это... извини... — забормотал он. — Ничего, я привыкла... — И зачем они только нужны, эти войны... — тихо сказал мальчик, невольно продолжив разговор, который Насте явно не хотелось продолжать. — От злых людей, которые их начинают, — вздохнула она, — так мне мама объяснила. — А где твои родители? — поинтересовалась Настя. — Умерли, — как отрезал Лёха.

Девочка осторожно сняла удочки и они вышли во двор. Она сменила разговор и рассказала о своём увлечении и предложила как-нибудь сходить на реку порыбачить, а с Лёхи требовалось лишь накопать каких-то красных червей в перегное.

Едва ли не вприпрыжку он побежал домой. Мысли о конфликте с гопниками напрочь улетучились. С одной стороны он давно не ощущал себя таким счастливым и вдохновлённым, а с другой из головы не выходила мысль о погибшем отце Насти.